

Горькая весть

Умер Яков Варшавский – критик, сценарист, кинематографист, литератор. Он любил жаркое московское лето, осень в Ялте, а скончался в городе Кельне. Так сложилось. Вся жизнь, – как и у многих его ровесников и товарищей по цеху, кому удалось перевалить за восьмой десяток, – вся эта жизнь была чередой неожиданностей, резких и внезапных поворотов.

Совсем молодым, почти юношей, в начале тридцатых он пришел в студию Станиславского, позже работал с Мейерхольдом, писал о Бабановой и Диком, о спектаклях Алексея Попова и, конечно, о МХАТе и "методе". Потом, после войны, в силу обстоятельств, по-всякому сложных и уж точно драматичных, должен был расстаться с театром, чтобы годы спустя найти себя заново в кино, и не только в критике. Много лет Варшавский был душой и мотором журнала "Искусство кино", начисто, – начиная с макета и знаменитых шрифтов Телингатера, – перетряхнув, перевернув скучноватое казенное издание, так что с середины пятидесятых едва ли не каждый следующий номер становился событием литературно-художественной жизни.

Варшавский был очевидно талантлив во всем, чем занимался, – в своих книгах, в журналистике, в полиэкранном кино (еще раз шагнув в область неведомую до того и для себя, и для зрителей), – и слух его на все настоящее был безупречен. Пусть это прозвучит банальностью, но искусство для него действительно было частью жизни. – не больше, но и не меньше, – огромным, многополюсным, давно освоенным и по-прежнему, навсегда загадочным, магическим пространством.

Во всем, что делал Яков Варшавский, он неизменно оставался оптимистом. И потому, что так было надо, и потому, что он был им по своей природе.

Ветры времени были переменчивы, подчас, приближаясь к урагану, и устоять под его напором, не всегда и не всем удавалось. Было и это. Кому по плечу, – пусть судят. Тем, кто не стоял рядом, – и в судьях не ходить. Миновав разные полосу, он сумел остаться, – во всяком случае, внешне – легким человеком. Много писал, зарабатывал не слишком, тратил, не задумываясь; знал толк в женщинах и в крепких напитках.

Лет десять назад, лежа с инфарктом в больнице, недалеко от театра Армии, упорно твердил, утешая близких и, вероятно, себя самого, что это сестры перепутали записи, – "Ну, ты же знаешь наши порядки", – и к нему лично инфаркт отношения не имеет.

В глаза и за глаза все вокруг называли его Яшей, в крайнем случае, Яковом.

Прощайте, Яков Львович.

Георгий ХАЛТУРИН

Экран и сцена. 2000 - март (~11). - с. 3.